

ТОМАС ГЕНРИ ГЕКСЛИ

АГНОСТИЦИЗМ*

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-400-433.

За последние несколько месяцев общественность получила в свои руки много различной информации об агностиках, их доктрине и даже их будущем. Агностицизм был осужден ораторами на Церковном конгрессе в Манчестере¹. Он был предъявлен в виде набора «статей», который был меньше по объему, но не менее строгим, и уж точно не менее последовательным, чем Тридцать девять статей религии². Природа агностицизма была изучена, а его будущее наиболее красноречиво и точно предсказано пророческим учением, апостолом которого является Огюст Конт³. Однако все еще можно поставить вопрос о том, настолько ли общественность мудра, как этого можно было бы ожидать, учитывая все усилия по ее просвещению. Дело не только в том, что три изложенные позиции агностицизма, к сожалению, противоречат друг другу. Я предполагаю показать причину моей веры в то, что все эти три изложения должны быть поставлены под сомнение любым, кто использует термин «агностик» в его исходном значении. Директор Королевского колледжа⁴, который поднимал тему агностицизма до Церковного конгресса, выбрал короткий и простой путь решения вопроса:

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © Лаврищев Даниил Евгеньевич (ORCID: 0000-0002-8646-8768). Оригинал: *Huxley T. H. Agnosticism // Christianity and Agnosticism : A Controversy. — New York : The Humboldt Publishing, 1889. — P. 9–29.*

¹Символом «*» обозначены авторские комментарии к тексту. По решению переводчика они помещены в тело текста для отличия их от прочих примечаний. Указанные комментарии идут сразу после абзаца, в котором на них дана ссылка, и выделены курсивом.

²Имеются в виду 39 статей англиканского вероисповедания, формально устанавливающие постулаты Англиканства.

³Огюст Конт (1796–1857) — французский философ, основатель позитивизма и социологии, а также верховный священник Позитивной Церкви; оказал большое влияние на английское общество в XIX веке, в том числе в отношении распространения Позитивной Религии.

⁴Речь об упоминаемом далее по тексту статьи д-ре Генри Уэйсе (1836–1924) — директоре Королевского колледжа, а впоследствии Декане (должность, аналогичная архиерею-свитеру и окружному викарию) Кентерберийского собора.

* См. «Official Report of the Church Congress held at Manchester», October, 1888, pp. 253, 254:

Но если бы мотивом человека являлось уклонение от этого догмата веры, тогда утверждение о том, что он не имеет средств научного познания незримого или грядущего, было бы неуместно. Отличие его мнения от мнения христиан заключается не в том факте, что у него нет знания о таких вещах, а в том, что он не верит в авторитет, на основании которого они утверждаются. Он может предпочесть называть себя агностиком, но его подлинное, древнее имя — неверный, иными словами, неверующий. Слово «неверный», вероятно, имеет неприятный оттенок. Наверное, так и должно быть. Так есть, и так должно быть, что для человека неприятно напрямую сказать, что он не верит в Иисуса Христа.

В ходе последовавшей дискуссии Епископ Питерборо⁵ настолько отошел от своей привычной учтивости и самоуважения, что стал говорить о «трусливом агностицизме».

Столь многое в обращении доктора Уэйса прямо или косвенно относится ко мне, что я берусь за то, чтобы разобраться в вопросе. Но, коли так обстоит дело, необходимо понимать, что я говорю только за себя; я не знаю, существует ли какая-то секта Агностиков, а если и есть, то я не ее рукоположенный пророк или Папа. Я желаю предоставить континентам полную монополию на создание иллюзии церковности.

Предлагаю спокойно и беспристрастно рассмотреть позицию в отношении агностицизма, предложенную доктором Уэйсом. По его мнению, агностиком является тот, кто утверждает, что не имеет средств для получения научного знания о незримом мире и о будущем. Под этим довольно небрежным оборотом доктор Уэйс, предположительно, подразумевает теологический незримый мир и теологическое будущее. Я не могу счесть такое описание удачным ни по форме, ни по содержанию, но пока что оставим его. Уэйс продолжает, что это не есть «его отличие от христиан». В таком случае, есть ли вообще христиане, которые говорят, что ничего не знают о незримом мире и о будущем? Я об этом ничего не знаю, но готов принять данное утверждение на основании авторитета профессионального теолога, так что перехожу к следующему тезису доктора Уэйса.

Соответственно, действительное положение дел таково, что агностики «не верит в авторитет» (каковой есть Иисус Христос) посредством

⁵В 1888–89 годах Епископом Питерборо был Уильям Маги, известный в свое время как «воинствующий епископ».

которого «эти вещи» утверждаются. Он всего-навсего старомодный «неверный», который боится принять свое настоящее имя. Подобно тому, как «пресвитер — тот же священник, только пишется короче», так же и «агностик» — не более чем греческий эквивалент латинского «infidel». Есть привлекательная простота в таком решении проблемы; кроме того, это решение имеет преимущество быть чем-то обидным для атакуемых лиц, что так приятно для наименее подкованных спорщиков. Агностик говорит: «Я не могу найти хороших свидетельств, что так-то и так-то истинно». «Ах, — говорит его противник, цепляясь за удобную возможность, — тогда вы утверждаете, что Иисус Христос был лжецом, раз он сказал так-то и так-то». Весьма показательный метод возбуждения предрассудков. Но предположим, что ценность свидетельства, согласно которому Иисус, возможно, сказал и сделал нечто, и есть то, что агностик находит наиболее сложным для определения? Если я рискну усомниться, что герцог Веллингтон дал команду «Вперед, Гвардия!» при Ватерлоо, я не думаю, что доктор Уэйс стал бы обвинять меня в неверии в герцога. Тем не менее, это было бы столь же неразумно, как и обвинять в отрицании слов Иисуса, до решения вопроса о том, что именно он сказал.

Сейчас вопрос о том, что Иисус действительно сказал и сделал, является строго научной проблемой, разрешимой исключительно методами, которыми пользуются историки и литературные критики. Это проблема невероятной сложности, занимавшая некоторые из лучших умов Европы в прошлом столетии; только в последние годы их исследования начали приближаться к единому выводу*.

** Доктор Уэйс говорит нам: «Можно задать вопрос, насколько мы можем полагаться на имеющиеся у нас данные об учении нашего Господа по этим вопросам». И он, видимо, считает, что на вопрос правильно дан ответ утверждением, что он «должен быть рассмотрен как разрешенный практической неудачей месье Ренана⁶ в этом неблагоприятном деле». Я думал, что достаточно хорошо знал произведения Ренана, но я умудрился упустить эту «практическую» (я бы желал, чтобы Уэйс подробнее определил сферу употребления этого полезного прилагательного) неудачу. Однако доктору Уэйсу не составит труда в указании на то место в трудах Ренана, на основании которого он готов подтвердить свое утверждение. Я же пока буду ожидать дальнейшего просвещения, довольствуясь, покамест, тем замечанием, что, если месье Ренан был бы вынужден отречься и покаяться завтра в Нотр-Даме*

⁶Имеется в виду Э. Ренан (1823–1892) — французский семитолог и историк религии, внесший значительный вклад в исследования корпуса Библейских текстов.

за любой вклад в библейскую критику, который мог бы быть ему приписан, основные результаты этой критики, в том виде, как они представлены в работах, например, Штраусса, Баура, Ройсса и Фолькмара⁷, не подверглись бы значительным изменениям.

Такой тип веры, который доктор Уэйс описывает и восхваляет, не имеет здесь применения. Более того, он сам прилагает немало усилий, чтобы уничтожить его очевидную ценность.

«Что создало мусульманский мир? Доверие и вера в речи и обещания Мухаммеда. А что создало христианский мир? Доверие и вера в речи и обещания Иисуса Христа и его апостолов». Торжественный тон этого мнимого катехизиса приводит меня к подозрениям, что его автор с трудом осознавал его полный смысл. Предположительно, доктор Уэйс считает Мухаммеда неверующим, или, используя более предпочтительное для него слово, неверным, и заключает, что его увещевания привели к ужасному заблуждению, которое уже привело и продолжает вести миллионы людей к вечному наказанию. И если это так, то «доверие и вера», что «создали мусульманский мир» (в том же смысле, в котором они «создали христианский мир»), должны быть доверием ко лжи и верой в ложь. Никто из тех, кто изучал историю или хотя бы следил за происшествиями повседневной жизни, не сомневается в практической ценности доверия и веры. Но мало кто из них будет склонен отрицать, что эта практическая ценность никак не связана с существованием объектов этого доверия. Примерами терпеливой стойкости веры и непоколебимого доверия «Acta Martyrum» не превосходит анналы Бабизма⁸.

Обсуждение, в которое мы теперь вступили, вполне доходит до корня предмета в целом; вопрос сегодня настолько всецело, как выразилась автор «Роберта Элсмера»⁹, состоит в ценности доказательства, что я не стану приносить извинения за довольно подробное его изучение, и по ходу наполнения аргументов содержанием я буду основывать то, что хочу сказать, на примере, рассмотрение которого лежит строго

⁷Д. Штраусс (1808–1874) — философ, публицист, историк религии, исследовавший библейскую мифологию; Ф. Баур (1792–1860) — основатель Тюбингемской школы, исследователь-библеист; Э. Ройсс (1804–1891) — историк-библеист, один из авторов документарной теории происхождения Пятикнижия; Г. Фолькмар (1809–1893) — филолог-классик, принадлежавший к Тюбингемской школе, развивавший идею политического происхождения Христианства (см. «Jesus Nazarenus und die erste Christliche», 1882).

⁸Бабизм — религиозное течение, основанное Бабом в 1844 году в Иране, целью которого была реформа Ислама на более демократических основаниях.

⁹Имеется в виду Мэри Вард (1851–1920), известная под псевдонимом г-жи Хамфри Вард — английская писательница, президент-основатель Антисуфражистской лиги.

в области естествознания, и в частности в той его отрасли, что известна как физиология и патология нервной системы.

Я нахожу во втором Евангелии (глава 5) высказывание, по всей видимости, имеющее ту же доказательную ценность, как и всякое другое утверждение из этого источника. Это хорошо известная история о демонах, кои были изгнаны из людей, и которым приказали, или разрешили, войти в стадо свиней, к великой утрате и убытку для невинных Гергесинов, или Гадаринов, хозяев свиней. Не может быть сомнения, что рассказчик хотел сообщить читателям свое убеждение в том, что это изгнание и вселение были делом рук Иисуса из Назарета и что словами и действиями Иисус укрепил это убеждение (при этом нет ни намека на законодательные или моральные трудности такого поворота дел).

С другой стороны, все, что я знаю о физиологической и патологической науках, приводит меня к весьма сильному убеждению в том, что явления, приписываемые одержимости, настолько же естественны, как и причины оспы. Все, что я знаю об антропологии, ведет меня к мысли, что вера в демонов и бесовскую одержимость есть не более, чем пережиток когда-то широко распространенного суеверия, и его сохранение в настоящее время во многом обратно пропорционально общему образованию, умственной развитости и здравомыслию тех, среди кого он преобладает. Все, что я знаю о законе и справедливости, убеждает меня, что произвольное уничтожение собственности другого — дурной проступок! Опять же, изучение истории, и в особенности пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков, не оставляют у меня и тени сомнения, что вера в реальность одержимости и ведовства, справедливо основанная (одинаково и католиками, и протестантами), на этом и множестве других отрывков из Старого и Нового Заветов, породила, через особое влияние христианских священников, самые ужасные гонения и смертные приговоры в отношении тысяч безвинных мужчин, женщин и детей. И когда я думаю, что в этом случае простая запись утверждения о том, что вера в ведовство и одержимость является опасным вздором, сделало бы невозможной агонию средневекового человечества, я вынужден отвергнуть, как бесчестное, предположение о том, что такое утверждение утаивалось из снисхождения к общему заблуждению.

«Изыди, нечистый дух, из человека» (Марк, 5:8)*, — вот слова, приписываемые Иисусу. Если я скажу (что я без колебаний и делаю), что я совершенно не верю в существование «нечистых духов» и, следовательно, в их «исхождение» из человека, я предполагаю, доктор Уэйс скажет мне, что я пренебрегаю «словом Божьим». Ведь если эти слова

были действительно произнесены, самые находчивые примирители вряд ли бы рискнули утверждать, что они совместимы с неверием в «эти вещи». Как беспристрастный знаток (и как ортодоксальный человек), доктор Александер¹⁰ замечает в редакторском комментарии к статье «Бесноватые» в первом томе¹¹ «Библейской энциклопедии»¹²:

** Здесь, как всегда, я цитирую исправленную версию¹³.*

...Самое малое, что мы можем сказать о Господе нашем и апостолах его, состоит в том, что они должны, по крайней мере, считаться честными людьми. Сейчас, хоть честная речь не требует, чтобы слова использовались всегда только в их этимологическом смысле, она требует, чтобы они не использовались для утверждения того, о чем говорящий знает, что оно ложно. Поэтому, в то время как, Господь наш и его апостолы могли использовать слово $\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, или фразу $\delta\alpha\iota\mu\omicron\nu\omicron\nu\ \epsilon\chi\epsilon\iota\nu$, как доступное описание некоторых болезней, они не могли говорить о демонах, входящих в человека, или изгоняемых из него, без собственной приверженности вере в действительную одержимость людей демонами. Таким образом, если они не придерживались этого убеждения, мы не можем считать их честными людьми.

История, которую мы рассматриваем, не основана исключительно на значении второго Евангелия. Третье подкрепляет второе, особенно в области приказа нечистому духу выйти из человека (Лука, 8:29); и, пусть первое Евангелие либо дает иную версию той же истории, либо рассказывает другую, схожего вида, существенная вещь сохраняется: «Если ты изгонишь нас, пошли нас в стадо свиней. И он сказал им: Идите!» (Матфей, 8:31, 32)

Если совпадающих свидетельств трех синоптических Евангелий, соответственно, действительно достаточно для того, чтобы отвести все рациональные сомнения в отношении фактов предельной практической и теоретической важности — вера и неверие в них могут повлиять (и уже повлияли) на жизни людей и их поведение в отношении других самым серьезным образом, — тогда я вынужден уверовать, что Иисус несомненно подтвердил обладание «знанием о незримом мире», что дает

¹⁰Александер Шем — немецко-американский писатель и публицист, один из редакторов «Библейской Энциклопедии».

¹¹Гексли дает ссылку на первый том Энциклопедии, тогда как указанная статья находится во втором томе.

¹²«Библейская Энциклопедия» (перв. изд. 1867–1887) — энциклопедия в нескольких томах, созданная в соавторстве Джоном Мак-Клинтоком и Джеймсом Стронгом, содержащая обширный перечень статей по религиозной тематике.

¹³Речь идет об исправленном переводе Библии на английский язык.

полное подтверждение вере в демонов и одержимость, распространенной среди его современников. Если история правдива, то средневековая теория невидимого мира может быть, и даже вероятно, достаточно верна, а охотники на ведьм, от Шпренгера до Хопкинса и Мезера¹⁴, — незаслуженно оклеветанные люди.

С другой стороны, примем во внимание ужасающие последствия этой веры. Кроме них, учтем здравый смысл, усматривающий поверхностность свидетельств, на которых такая вера основана (во всех случаях, которые были должным образом расследованы). Наконец, возьмем науку, все более и более заключающую все феномены так называемой «одержимости» в рамки патологии в той мере, в которой они еще остались вне ведения полиции. Все эти веские доводы сходятся в предупреждении об опасности принятия такой веры без наиболее точного изучения тех оснований, на которые она опирается.

Я не могу найти выход из этой дилеммы: либо Иисус сказал те слова, о которых нам рассказывают, либо не говорил. В первом случае неизбежно оказывается, что его авторитет в вопросах, связанных с «незримым миром», должен быть несколько поколеблен; во втором случае удар будет нанесен авторитету синоптических Евангелий. Если их свидетельства по вопросу, столь значимому и столь сильно влияющему на повседневную жизнь, не заслуживают доверия, как мы можем быть уверены в доверии к ним в прочих случаях? Любимый «островок», на котором оказавшийся в затруднении примиритель ищет спасения — что Библия не претендует на обучение науке*, — в данном случае не поможет. Ибо вопрос о существовании демонов и об одержимости ими хоть и лежит строго в области науки, имеет также глубочайшую нравственную и религиозную значимость. Если телесные и психические расстройства вызваны демонами, Григорий Турский¹⁵ и его современники справедливо считали, что реликвии и экзорцисты были более полезны, чем доктора; труднейшие вопросы встают в связи с правовой и моральной ответственностью людей, направляемых демоническими побуждениями;

¹⁴Якоб Шпренгер (1435(38)–1495) — немецкий доминиканец, инквизитор и демонолог; Мэтью Хопкинс (1620–1647) — английский охотник на ведьм, прославившийся своей непомерной жестокостью; Инкриз Мезер (1639–1723) — пуританский священник, президент Гарвардского колледжа, известный своим влиянием на судебные процессы над Салемскими ведьмами.

¹⁵Григорий Турский (538–594) — франкский историк и священник, автор одного из основных источников по истории династии Меровингов — «История франков».

и все наше представление о вселенной и о нашей связи с ней становится совершенно другим, чем при принятии противоположной гипотезы.

**Неужели некто действительно хочет сказать, что существует какой-то внутренний или внешний критерий, согласно которому читатель библейского текста, в котором затрагивается научный вопрос, способен судить, принять ли его всерьез или нет? Является ли описание Всемирного Потопа, принимаемое за истину в Новом Завете, менее точным и определенным, чем рассказ о призвании Авраама, там же принятый как истинный? Какой признак в истории о кормлении манной в пустыне (которая включает некоторые весьма интересные научные проблемы), показывает, что она имеет исключительно назидательное значение, тогда как история о написании закона на камне рукой Яхве правдива в буквальном смысле? Если история Грехопадения не является истинным свидетельством исторического события, во что превращается богословие Павла? И все же история Грехопадения напрямую противоречит вероятности и настолько же лишена достоверных свидетельств, как и истории Творения или Потопа, вместе с которыми она образует гармоничный мифический цикл.*

Мировоззрение типичного средневекового христианина настолько же отличается от среднего англичанина в девятнадцатом веке, насколько от него же сегодня отличается мировоззрение западноафриканского негра. Современный мир медленно, но верно стряхивает с себя эти и другие ужасные пережитки диких заблуждений и, несмотря ни на что, не вернется к барахтанью в болоте. Пока не будет доказано обратное, я осмелюсь усомниться в том, что в настоящий момент хоть один сколь-либо авторитетный протестантский теолог скажет, что он верит в историю Гадаринов.

В таком случае, выбор лежит между недоверием к тем, кто составил евангельские жизнеописания, и неверием в Господа, которого они, простодушные, думали почитать защитой в подобных обрядах по осуществлению Его власти над невидимым миром Сатаны. В этом и состоит дилемма. Никакая глубокая ученость, а только лишь знание о пересмотренной версии¹⁶ (в которой, как считается, все зависящее единственно от учености уже сделано), вместе с применением к ней зауряднейших правил здравого смысла требуется нам для возможности сделать выбор между сторонами этой дилеммы. Трудно сомневаться, что история, рассказанная в первом Евангелии, есть только версия той, что рассказана во втором и третьем. Тем не менее, расхождения серьезны и несовместимы; и только уже на этом основании необходимо воззвать к тому,

¹⁶Речь также об исправленной версии перевода Библии на английский язык.

чтобы хотя бы отложить окончательное решение. Но можно пойти еще дальше. С самого начала научной библейской критики и до наших дней свидетельства против давнишней идеи о том, что три синоптических Евангелия являются трудами трех разных авторов, каждый из которых направлялся божественным вдохновением, неуклонно накапливались вплоть до настоящего момента, когда уже нет явного способа избежать вывода о том, что каждое из трех Евангелий является компиляцией, состоящей из базиса, общего для всех трех — троичной традиции, — и надстройки, состоящей, во-первых, из материала, общего для одного из Евангелий с другими, и, во-вторых, из материала, индивидуального для каждого из текстов. Использование слов «базис» и «надстройка» никоим образом не подразумевает, что второе должно быть позже, чем первое. Напротив, некоторые части надстройки могут быть, и вероятно являются, более древними, чем некоторые из частей базиса*.

**Ради превосходной дискуссии по этому вопросу см. статью доктора Эбботта¹⁷ о Евангелиях в «Британской энциклопедии» и примечательную монографию профессора Фолькмара «Jesus Nazareus und die erste Christliche Zeit» (1882). Согласны ли мы с выводами этих авторов или нет, метод критического исследования, которым они пользуются, безукоризненный.*

История Гадаринских свиней относится к базису (по крайней мере, существенная ее часть, в которой отражается вера в демоническую одержимость). Следовательно, составители первого, второго и третьего Евангелий, кем бы они не были, определенно разделяли эту веру (которая, разумеется, была единой среди иудеев и язычников в то время), и приписывали ее Иисусу.

Что в этом случае мы знаем такого о создателе, или создателях, этого базиса — того тройственного источника, с которым согласны все три, по выражению Пейли¹⁸, «свидетеля», — что мы должны позволить исключительно их утверждениям перевесить контраргументы человечества, здравого смысла, точной науки и подвергнуть опасности почтение, которое мы с радостью могли бы оказать их Господу?

Абсолютно ничего*. Нет доказательств этому, только лишь посредственное предположение о том, что какое-либо из Евангелий существовало в том виде, в котором мы находим его в официальной версии Библии

¹⁷Эдвин Эбботт (1838–1926) — английский теолог, член Британской академии. Вероятно, статья, о которой идет речь — «Псалмы» из девятого издания «Британники».

¹⁸Речь идет о Уильяме Пейли (1743–1805), английском теологе и философе, богослове-биологе, одним из наиболее значимых представителей естественной теологии конца XVIII в. в Британии.

до второго века или, иными словами, через шесть или семь веков после описываемых там событий. И между этим временем и датировкой древнейших сохранившихся рукописных Евангелий нет указаний, какие возможные добавления, изменения и вставки могли быть сделаны. Можно сказать, что это все лишь умозрение, но это нечто большее. Как компетентные ученые и честные люди, наши редакторы чувствовали себя обязанными указать, что такие вещи случались даже во времена наиболее древних известных рукописей. Две самые старые копии второго Евангелия заканчиваются восьмым стихом шестнадцатой главы; оставшиеся двенадцать стихов являются фальшивыми, и примечательно, что создатель этого дополнения без колебаний вводит в него речь Иисуса, в которой тот обещает своим ученикам, что «моим именем они будут изгонять бесов».

** Вопреки тем жестким словам, брошенным в меня из-за стены анонимности неким сочинителем в последнем номере «Квартального обзора», я повторю без всякого страха быть опровергнутым, что четыре Евангелия, как они дошли до нас, являются трудом неизвестных авторов.*

Другой отрывок, «сброшенный со счетов», еще более поучителен. Это трогательное, полное этического смысла извинение женщины, пойманной на прелюбодеянии, которое, если бы внутренние свидетельства являлись безупречным ориентиром, могло бы вполне считаться характерным примером учения Иисуса. Тем не менее, ревизоры скажут безжалостно: «Большинство древних авторов не учитывают Иоанна 7:53 и 8:11». Теперь позвольте любому разумному человеку задать следующим вопросом: если после приблизительного установления канона Нового Завета и даже после четвертого и пятого веков, литературные мошенники обладали навыком и дерзостью, чтобы делать такие добавления и изменения как эти, то что они могли сделать тогда, когда никто еще не думал о каноне — когда устная традиция, пока не зафиксированная, считалась более ценной, чем подобные письменные записи, которые могли существовать во второй половине первого века? Или возьмем другой вариант: если те, кто постепенно установили канон, не знали о существовании древнейших кодексов, кои дошли до нас, или же, зная о них, отвергли их значимость, то, что стоит думать об их компетентности как критиков текста?

Люди, которые возражают против свободной критики христианского Писания, забывают, что именно она сделала их теми, кто они есть; разве

что защитники откровения готовы утверждать, что большинство влиятельных богословов на протяжении нескольких веков были защищены от ошибок. Ибо даже допуская, что некоторые из книг того периода были боговдохновенны, их было бы меньше, чем прочих; и те, кто отбирал книги для канона, если только они сами не были вдохновлены Господом, должны предстать лишь как критики, и, судя по тем свидетельствам своих интеллектуальных привычек, что они оставили нам, как весьма неприятные критики. Если задуматься, что столь тонкие вопросы, как затронутые нами, попали в руки людей, подобных Папию¹⁹ (который верил в знаменитую историю тысячелетнего винограда) или Иринею²⁰ с его «обоснованиями» существования только четырех Евангелий, и таких спокойных и бесстрастных судей как Тертуллиан, с его «Верую, ибо невозможно»²¹, чудо будет в том, что те тексты, кои составляют Новый Завет, столь свободны от явно спорного содержания. Апокрифические Евангелия, безусловно, достойны своего названия; но, подозревая, что чуть более критический отбор довольно сильно увеличил бы Апокриф.

Здесь возникает весьма банальное возражение, которое требует полностью и беспристрастного рассмотрения. Можно сказать, что критическим наиболее последовательным скептицизмом был древний пирронизм; что если мы хотим всецело опровергнуть древнего или современного историка, на том основании, что он полагал истинными невероятные вещи, то можно перестать придавать значения истории вообще. Можно сказать, и весьма справедливо, что «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда²² тем не менее достоверна благодаря поразительно откровенной доверчивости, недостатку рассудительности и даже благодаря уважению к восьмой заповеди, которое он неосознанно оказал в «Истории перевода святых мучеников Марцеллина и Павла». Или же, не далее, чем в последнем номере этого издания, нельзя, разумеется, отказать в полном доверии

¹⁹Папий Иерапольский (I-II вв.) — святой апостольский муж, автор собрания изречений Иисуса Христа, собранных на основе рассказов его предполагаемых современников.

²⁰Иринеи Лионский (ок. 130–202) — святой, один из Отцов Церкви, борец с гностицизмом, автор «Против ересей» и аргументов в пользу формирования канона из четырех Евангелий.

²¹У Гексли: «Credo quia impossibile», хотя, как правило, Тертуллиану приписывается выражение «Credo quia absurdum».

²²Эйнхард (770–840) — франкский ученый-историк, придворный Карла Великого, автор его биографии и множества трудов религиозно-исторического содержания.

прекрасной леди, мисс Стрикленд²³, из-за того мифа о вторых останках Иакова, который она, видимо, бессознательно создала.

Конечно, это совершенно верно. Я боюсь, что нет на свете человека, чье свидетельство могло бы быть принято, если необходимым условием было бы подтверждение того, что он никогда не создавал и не распространял мифа. В умах каждого из нас то тут, то там есть маленькие уголки, подобные неразличимым выступам на скале, дающим опору и место для роста мха или очитка, в которых, попади зародыш мифа, он обязательно взойдет, без малейшего влияния на нашу точность или истинность в чем-либо еще. Сэр Вальтер Скотт знал, что он не сможет повторить историю без, как он говорил, «новой шляпы и трости». Большинство из нас отличается от сэра Вальтера только незнанием этой склонности к незаметному проявлению способности к мифотворчеству. Но также абсолютно верно, что эта способность к мифотворчеству не одинаково активна во всех умах, как не одинакова она во всех частях и состояниях одного разума. Дэвид Юм определенно был не столь подвержен искушениям, как Святой Беда или даже как некоторые из современных историков, коих можно было бы упомянуть; и самые изобретательные должники, если они должны пять фунтов, никогда не обещают вернуть сотню фунтов. Закон здравого смысла суть *prima facie* доверять свидетелю во всех случаях, в которых ни его личный интерес, ни его страсти, ни его предрассудки, ни любовь к чудесному (которая свойственна в той или иной степени всему человечеству) не имеют значительного влияния; если же они вовлечены, следует требовать подкрепляющего свидетельства, прямо пропорционального недоверию к тому, о чем оно свидетельствует.

Что до истории с Гадаринами, я не думаю, что я необоснованно скептичен, если утверждаю, что существование демонов, коих можно переместить из человека в свинью, противоречит вероятности. Позвольте мне быть совершенно искренним. Я признаю, что не имею априорных возражений для предъявления. Существуют физические вещи, такие как ленточные и круглые черви, которые могут быть перемещены из человека в свинью и наоборот, и которые, несомненно, оказывают самое дьявольское и смертоносное воздействие на одного и вторую. Для всего,

²³Речь, вероятно, об Агнес Стрикленд, писательнице и поэтессе, писавшей на исторические темы. Ее самая известная работа — «Жизнеописания Королевы Англии» (англ. «Lives of the Queens of England»).

для чего могут существовать духовные сущности, способные к переселению с подобным воздействием, я могу достоверно доказать обратное. Более того, я вынужден добавить, что люди, в высшей степени заслуживающие доверия, и к которым я испытываю величайшее уважение, до сих пор верят в истории о духах почти столь же невероятные, как те, что мы рассматриваем.

Итак, я заявляю так прямо, как могу, что я не могу показать причину, по которой эти преходящие демоны не должны существовать. Не могу также отрицать, что не только вся Католическая Церковь, но и многие из «неверных» Уэйса с незаурядной репутацией искренне и твердо убеждены, что активность подобных демонических сущностей в самом разгаре в этом благодатном 1889 году.

Тем не менее, как говорит славный Епископ Батлер²⁴, «вероятность — проводник по жизни», и мне видится, что это только один из случаев, в которых канон правдоподобности и доказательства, который я осмелился изложить, имеет полную силу. Так что, при всем уважении ко многим (но не ко всем) из наших свидетелей в пользу истинности демонологии, древней и современной, их свидетельства по этому конкретному вопросу представляются мне до нелепости недостаточными, что оправдать их заключение*.

** Их аргументы, в конечном итоге, всегда сводимы к единой форме. Другие свидетели, коим мы верим, подтверждают, что такие-то и такие-то события имели место. Эти события нельзя объяснить, кроме как признанием действия «духов». Следовательно, «духи» и были причиной этого явления.*

И принцип ответа всегда один и тот же. Вспомним афоризм Гёте: «Alles factische ist schon Theorie»²⁵. Благонадежные свидетели постоянно бывают обмануты или обманывают сами себя в своей интерпретации чувственного явления. Никто не может доказать, что чувственные явления в данных случаях могут быть вызваны только воздействием духов. Есть множество оснований для веры в то, что они могут быть происходить из другого источника.

Следовательно, самое большее, что можно осмысленно требовать, исходя из свидетельств как таковых, — отложить решение. Но даже

²⁴Джозеф Батлер (1692–1752) — англиканский епископ, богослов и философ, апологет Христианства; идеи о вероятности, о которых говорит Гексли, изложены в работе «The Analogy of Religion, Natural and Revealed, to the Constitution and Course of Nature», 1736.

²⁵Нем. «Все факты уже суть теория».

в отношении необходимости такой задержки, мнения разумных людей могут отличаться в зависимости от их взглядов на вероятность.

После всего сказанного я не думаю, что какой-либо разумный человек (если только ему не случится быть озлобленным) обвинит меня в «противоречии Господу и его апостолам», если я повторю заново свое полное неверие во всю историю Гадаринов. Но, если эта история опровергнута, все остальные истории о демонической одержимости попадают под сомнение. А если вера в демонов и демоническую одержимость, образующая темный фон всего образа раннего Христианства, представленного в Новом Завете, оказывается поколебленной, что нам следует говорить о любом случае неподтвержденных свидетельств из Евангелий в отношении «незримого мира»?

Я сомневаюсь в том, что на меня повлияло большее число предрассудков в отношении истории Гадаринов, чем в других случаях схожего рода, исследование которых меня интересовало. Я рос в строжайшем учении евангелической ортодоксии; когда же я стал достаточно взрослым, чтобы думать самостоятельно, я начал свой исследовательский путь, едва ли сомневаясь в общей истинности того, чему был научен, вместе с этим чувством неудовольствия от имени «неверный», которое, как мы знаем, так верно и уместно. Подходя к концу моего пути, я обнаруживаю в себе нечто большее, чем просто сомнение в этих идеях.

В ходе других исследований мне приходилось иметь дело с окаменелыми останками, выглядевшими вполне определенными на расстоянии и становившимися все менее и менее отчетливыми при ближайшем рассмотрении, как только я пытался определить их очертания. В этом было нечто такое, что, если бы я обрел знание о нем, могло открыть новую эпоху в истории Земли; но сколько бы я не занимался этим, ясность ускользала от меня. Так же было со мной в моих попытках определить великую фигуру Иисуса, как она заложена в первичных слоях христианской литературы. Есть ли он добрый, миролюбивый Христос, запечатленный в Катакомбах? Или он суровый судья, что хмурится над алтарем Святых Космы и Дамиана? Или он может быть справедливо представлен в виде кровоточащего аскета, сломленного физической болью, как на столь большом числе средневековых картин? Принять ли нам как истинного Иисуса того, который был во втором или в четвертом Евангелии? Что он в действительности сказал и сделал, и как много из того, что ему приписывается как сказанное и сделанное, было приукрашено различными сектами, на которые его последователи

разделились в течение двадцати лет после его смерти, когда троичная традиция только зарождалась?

Если некто ответит мне на эти вопросы чем-то большим, чем пустыми словами о «трусости агностицизма», я буду у него в долгу. В противном случае, пока на них не будут даны удовлетворительные ответы, я скажу, как агностик, по этому вопросу: «J'y suis, et j'y reste»²⁶.

Но, как мы увидели, утверждается, что я не имею права называть себя агностиком; что если я не христианин, то я неверный, и что мне стоит называться именем с «неприятным значением». Что ж, меня не очень волнует, как меня называют другие люди, и если бы на моей стороне были все те, кого с начала Христианской эры в народе называли неверными, я не мог бы желать лучшей компании. Если это мои предки, я предпочитаю быть с ними где угодно, вместе со стариной Франком. Но в словах доктора Уэйса есть некоторые моменты, которые должны быть устранены до того, как я задумаюсь о выполнении его желаний. Я должен, к примеру, узнать, что есть христианин. Так что же такое «христианин»? Чьей властью устанавливается то значение, которое имеет слово? Есть ли сомнения, что непосредственные последователи Иисуса, «секта Назареев», были ортодоксальными иудеями, отличавшимися от других иудеев не более, чем саддукеи, фарисеи и ессеи отличались друг от друга? По факту, одной только верой в пришествие Мессии, которого ждал весь остальной народ. Разве их вождя, «Иакова, брата Господня», не почитали одинаково как саддукеи, так и фарисеи с назарееми? На той знаменитой встрече, которая, согласно Деяниям, произошла в Иерусалиме, не провозгласил ли Иаков, что «мириады» иудеев, которые к тому времени стали назарееми, «все возжелали закона»? Разве имя «христианин» не использовалось впервые для обозначения обращенных в учение, распространявшееся Павлом и Варнавой в Антиохии? Оставляет ли последующая история христианства хоть какие-то сомнения в том, что, впредь с того времени, «маленькая трещинка в лютне», вызванная формированием, если не провозглашением, нового учения, росла все шире и шире до того момента, как две части учения непримиримо разошлись? Разве примитивные назаренизм или эбионизм не развились позже в назаренизм, эбионизм и элькасайтизм позднего периода и в итоге исчезли в безвестности и осуждении, как

²⁶Фр. «здесь стою, и здесь остаюсь».

порочные ереси, в то время как молодая доктрина цвела и распускалась бутонами бесконечного множества сект, из которых выжили три наиболее сильных — Римская и Православная Церкви и Протестантизм?

Странное положение вещей! Если бы я проповедовал учение, которого придерживались «Иаков, брат Господа» и «мириады» его последователей и единоверцев в Иерусалиме в течение двадцати или тридцати лет (и кто знает, сколь долго в Пелле) после распятия, я должен быть единодушно осужден Римской, Православной и Протестантской Церквями как еретик-эбионист! И, вероятно, это искреннее и единогласное осуждение той веры, коей придерживались люди, наиболее близкие к своему Господу, едва ли не единственное, в чем они будут согласны. С другой стороны, хоть я и с трудом представляю подобное, я весьма опасуюсь, что «столпы» Иерусалимской Церкви сочли бы доктора Уэйса неверным. Никто не может прочесть знаменитую вторую главу Послания к Галатам и книгу Откровения, не заметив, сколь трудным было спасение Павла от сходной участи. И если верить церковной истории, Тридцать девять статей религии, верны они или ложны, расходятся с примитивным учением назареев гораздо больше, чем даже Христианство Павла.

Но, более того, мне крайне трудно убедить себя, что даже Иаков, «брат Господа», и его «мириады» назареев, правильно понимали учение своего Творца. Ибо, как постоянно утверждают наши современные «столпы», одной из важнейших черт деяний Иисуса было обновление религии путем устранения того, что наши поборники догматов и литургий называют узкими рамками закона, сами не осознавая комичности этого. Однако, если Иаков знал это, как могли возникнуть ожесточенные споры с Павлом? И почему одна или другая сторона не процитировали какое-либо из множества высказываний Иисуса, записанных в Евангелиях, которые прямо относятся к вопросу, иногда, видимо, в противоположных направлениях?

Итак, если меня попросят называть себя «неверным», я отвечу: «Какому же учению вы просите меня быть верным?». Той, что заключается в Никейском и Афанасийском символах веры? Я твердо убежден в том, что назареи, скажем, 40-го года, ведомые Иаковом, заткнули бы уши и посчитали бы нужным забросать камнями того наглеца, который бы высказал им это. Заключается ли она в том, что называют Апостольским Символом веры? Я почти уверен, что даже это уже привело бы к беспорядкам в Пелле в 70 году среди назареев, бежавших от солдат Тита. И все же, если традицию учения «Назарянина» в чистом

виде и можно было бы где-то найти, то только среди не самых старых послушников, кои могли выслушать его из первых уст.

Так что, как бы мне ни было жаль, я не могу доказать, что, если нужно, мне не стоит бояться назваться «неверным», и я не могу этого сделать, даже для того, чтобы доставить удовольствие Епископу Питерборо и доктору Уэйсу. Я бы желал обратиться к Епископу, чье природное чувство юмора составляет далеко не последнее его достоинство из числа прочих прекрасных дарований и добродетелей, ему свойственных, с вопросом, не будет ли скорее чудной просьба о том, чтобы человек называл себя «неверным». «Неверный» есть бранное слово, которое христиане и мусульмане, со всей благопристойностью, согласились применять к тем, кто отличается от них. Если бы только доктор Уэйс задумался об этом, он мог бы использовать слово «еретик», которое, будучи с тем же этимологическим значением, имеет преимущество быть более «неприятным» для тех, к кому оно применяется. Но, во имя всех Ирландцев, я спрашиваю епископа Питерборо, почему следует ожидать, что человек назовется «еретиком» или «неверным»? То, что Святой Патрик «имел два дня рождения, поскольку был близнецом», является разумным и толковым высказыванием по сравнению с тем, что человек должен объявить себя неверным на основании отрицания собственной веры. Может быть логически, если не этически, оправдано то, что христианину следует называть мусульманина неверным и наоборот. Но, с позиции Уэйса, оба должны называть сами себя еретиками, поскольку каждый применяет это слово к другому.

Теперь я опасаясь, что весь мусульманский мир согласился бы отплатить доктору Уэйсу тем же именем. Я однажды посетил Мечеть Хазар, великий университет мусульманства в Каире, не догадываясь о том, что у меня не было на то права. Рой гневных учеников, как, я полагаю, мне следует их называть, начал жужжать вокруг меня и моего проводника, и если бы я знал арабский, я подозреваю, что «неверная псина» был бы, без сомнения, наиболее «неприятным» из тех эпитетов, коими меня осыпали до того, как я объяснился и извинился за ошибку. Если бы я имел удовольствие находиться в компании доктора Уэйса в тот раз, боюсь, неразборчивые последователи Пророка не нашли бы между нами отличия, даже если бы они знали, что он был главой ортодоксальной христианской семинарии. И я не имею ни малейшего сомнения, что даже кто-то из ученых мулл, если бы его холодная учтивость позволила ему сказать нечто оскорбительное человеку другой веры, сказал бы

нам, что он удивлен тем, что мы не находим «весьма неприятным» неверие в пророка Мухаммеда.

Из предшествующего, я думаю, становится вполне ясно, что описание происхождения имени «агностик», данное Уэйсом, в немалой степени ошибочно. Разумеется, я вынужден добавить, что даже слабые попытки открыть истину могли бы убедить его в том, что, по сути дела, термин возник иначе. У меня нет желания возвращаться к старой истории еще раз; но еще кое-что, рассматриваемое мной, будет вполне завершено при чуть более полном описании, чем ранее.

Оглядываясь примерно на пятьдесят лет назад, я вижу себя мальчиком, чье образование прервали и который в интеллектуальном плане остался на несколько лет наедине с самим собой. В то время я был ненасытным и всеядным читателем, мечтателем и выдумщиком чистой воды, вполне одаренным той замечательной смелостью в атаке на всякий предмет, которая является счастливой чертой юности и неопытности. Среди книг и трактатов всех сортов, от метафизики до геральдики, которые я читал в то время, две работы оставили в моей памяти неизгладимое впечатление. Одна была «История цивилизации» Гизо, вторая — трудом Сэра Вильяма Гамильтона «О философии безусловного», на который я случайно наткнулся в неприметном томе «Эдинбургского обозрения»²⁷. Последний, определенно, было странным чтением для мальчика, и я не имел возможности понять его суть; тем не менее, я проглотил его с жадностью, и он отпечатался в моем разуме твердым убеждением, что даже в самых серьезных и важных вопросах люди склонны принимать изящные фразы за ответы и что ограниченность наших способностей в великом множестве случаев превращает действительные ответы на эти вопросы в не только фактически невозможные, но и в теоретически недостижимые*.

**И все же, должно быть, я как-то смог ухватить суть вопроса, ибо много лет спустя, когда были опубликованы лекции декана Манселя²⁸ из Бэмпотна, мне показалось, что я уже знаю все, что этот весьма скептический мыслитель мог мне сказать.*

Философия и история, захватив меня таким странным образом, уже никогда не ослабили своей хватки. Я не претендую на звание эксперта ни в одном из этих предметов, но то обращение к философскому и историческому чтению, что сделало Гамильтона и Гизо приятными

²⁷Журнал «Edinburgh Review».

²⁸Речь идет о Генри Манселе, британском философе, ученике В. Гамильтона.

для меня, не только заполнило время моего досуга (и уж тем более время ночного бдения) покоем от смены занятия разума, но и нередко отвлекали меня от обязательств перед моей королевой — Естественной наукой. Таким образом, я нашел возможным охватить весьма обширную часть философии с даже большей легкостью, поскольку меня никогда не заботили мнения неких А и Б, и я скорее добивался того ответа, который каждый из них мог мне дать на поставленные мной вопросы, среди которых главным был вопрос о границах возможного знания. Вопрос экзаменатора «Изложите взгляды того-то» сбивал меня с толку. Если бы он спросил: «Что вы думаете по данной проблеме?», мы бы неплохо поладили.

Те читатели, которым хватило терпения следовать за этим настойчивым, но нежеланным эгоизмом сей подлинной истории (особенно если их изыскания вели их в том же направлении), увидят теперь, почему мой разум постоянно тянуло к рассуждениям Юма и Канта, хорошо представленные последним в предложении, которое я где-то цитировал:

Такая пропедевтика должна называться не *учением*, а только *критикой* чистого разума, и польза ее по отношению к спекуляции в самом деле может быть только негативной: она может служить не для расширения, а только для *очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений*, что уже представляет собой значительную выгоду²⁹.

Когда я достиг интеллектуальной зрелости и начал спрашивать себя, атеистом ли, теистом, или пантеистом я являюсь, материалистом или идеалистом, христианином или вольнодумцем, я обнаружил, что чем больше я прочел и понял, тем менее четким был ответ. В итоге я пришел к выводу, что я не имею ничего общего ни с одним из обозначений, кроме последнего. Единственное, с чем было согласно большинство хороших людей — что я отличаюсь от них. Они были почти уверены, что они достигли определенного «гнозиса», решили более или менее удовлетворительно проблему существования; я же был почти уверен, что сам не решил ее, и был вполне твердо убежден, что проблема эта неразрешима. И, вместе с Юмом и Кантом, я не мог считать себя самонадеянным, раз придерживаюсь такого мнения. Подобно Данте:

²⁹ *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. — М. : Э, 2017. — С. 57. Курсив мой — прим. пер.; этот комментарий заменяет авторскую ссылку на немецкое издание «Критики...», обозначенную в тексте «*», оригинал авторской ссылки: «„Kritik der reinen Vernunft“». Edit. Hartenstein, p. 256».

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura³⁰,

Но, в отличие от Данте, не могу добавить:

Che la diritta via era smarrita³¹.

Напротив, у меня была и есть твердая уверенность в том, что я никогда не покидал «*verace via*», прямой дороги, и что эта дорога вела единственно в темные глубины дикого и загадочного леса. И пусть я сталкивался со львами и леопардами по пути; пусть я имел многократное знакомство с голодным волком, что «уносит каждый день ягнят из стада, и некому разбой пресечь»³², как другой великий поэт говорит о хищном звере; и пусть ни один дружелюбный дух не предложил мне наставлений, я всегда оставался устремленным вперед, покуда не дойду до другой стороны чащи, или же не пойму, что другой стороны нет (по крайней мере, достижимой для меня).

Таковыми были обстоятельства моей жизни, когда мне повезло найти место среди этого замечательного братства антагонистов, давно умершего, но все еще живого в своем благочестивом наследии — Метафизического общества. Всякое философское и теологическое мнение было здесь представлено и выражено с полной открытостью. Большинство моих коллег были -истами того или иного рода, и, какими бы умными и дружелюбными они ни были, я, человек без ярлыка, коим мог бы защититься, не мог не испытать некоторые из тех неприятных чувств, что, должно быть, охватили пресловутую лису, когда та, оставив хвост в ловушке, предстала перед своими вполне хвостатыми собратьями. Так что я подумал и изобрел то, что посчитал наиболее удачно обозначить именем «агностик». Это слово возникло в моей голове как предположительно противоположное тому «гностику» из Церковной истории, который заявлял, что знает так много о тех вещах, о которых я не знал ничего. И я схватился за эту первую возможность представиться нашему сообществу, чтобы показать, что у меня, как и прочих лис, есть хвост. К моему величайшему удовольствию, слово прижилось; и когда журнал «Очевидец»³³ стал его крестным отцом, любые подозрения

³⁰ «Земную жизнь пройдя до половины, // Я очутился в сумрачном лесу» (пер. М. Лозинского; этот и следующий комментарий заменяют авторские переводы, обозначенные «*» и «**» соответственно).

³¹ «Утратив правый путь во тьме долины» (пер. М. Лозинского).

³² Из «Потерянного Рая» Мильтона. Адапт. пер. Ю. Корнеева — прим. пер.

³³ Англ. «Spectator».

в умах уважаемых людей относительно происхождения этого слова были, разумеется, полностью развеяны.

Такова история становления слов «агностик» и «агностицизм», и можно заметить, что она не вполне согласуется с самоуверенным заявлением преподобного директора Королевского колледжа о том, что «использование слова „агностик“ есть только попытка уйти от вопроса, и оно приводит лишь к уклонению» от Церкви и Христианства.

Последнее (чему мне, да и моим читателям, следовало бы порадоваться) возражение, которое я бы хотел предъявить к выступлению доктора Уэйсу до начала Церковного конгресса, к моему стыду, заключается в вопросах моральности.

«Так есть, и так должно быть, — авторитетно заявляет этот официальный глашатай Христианской этики, — что для человека неприятно напрямую сказать, что он не верит в Иисуса Христа».

Так это или нет, зависит, во многом, как мне представляется, во многом от того, родился ли человек в христианской семье или нет. Я не вижу, почему сказать подобное должно быть «неприятно» для мусульманина или буддиста. Но тот факт, что «должно быть» неприятно для любого человека сказать нечто, во что он искренне и после должного размышления верит, является, на мой взгляд, утверждением глубоко аморального свойства. Я искренне убежден, что великое благо, кое Христианство принесло с собой, во многом затмевается тем губительным учением, на котором настаивали все церкви, согласно которому искреннее неверие в их более или менее удивительные верования является моральным оскорблением, глубочайшим грехом, заслуживающим (в том числе посмертно) той же кары, что и убийство или воровство. Если бы мы только увидели на одном полотне все те потоки лицемерия и жестокости, ложь, смерти, нарушение всякого человеческого долга, что проистекают из этого источника на протяжении истории христианских народов, наши самые худшие представления Ада поблекли бы перед подобным зрелищем.

Тысячу раз, нет! Не должно быть неприятным сказать то, во что некто искренне верит или не верит. То, что всегда болезненно поступать так, является достаточным препятствием для прогресса человечества в наиболее ценном из всех качеств — честности в слове и деле без возведения печального следствия человеческой слабости в разряд почитаемого и оберегаемого. Храбрейшие из солдат иногда, и весьма естественно, «чувствуют неприятное» в том, чтобы идти в бой; но военный трибунал,

выполняя свой долг, недолго думая осудит офицера, провозгласившего, что его люди должны считать свой долг неприятным.

Я очень хорошо осознаю (как, я полагаю, и большинство мыслящих людей в наше время), что процесс освобождения от старых верований крайне неприятный. Я также вполне склонен думать, что вдохновение, утешение и покой, дарованные ревностным верующим даже в самых худших формах Христианства, являются значительным их преимуществом. Несмотря на эту лучшую часть, был также и вред для горожан от аскетической потусторонности логического Христианства; вред для правителя от ненависти, злобы и всей неблагодарности сектантского фанатизма; вред для законодателя от духа исключительности и превосходства тех, кто считал себя столпами ортодоксии; вред для философа от ограничений свободы познания и научения, которые накладывала каждая достаточно сильная церковь; вред для добродетельной души от внутренней охоты на грехи мяты и тмина, от боязни теологической ошибки и от подавляющего ужаса возможного осуждения, которое сопровождало церковь как тень. Я не буду делать выводы из этого отношения вреда и пользы, хоть они явно были бы объемными. Если агностики крупно проигрывают с одной стороны, они выигрывают с другой. Люди, которые говорят об удобстве веры, видимо, забывают о неудобствах с ней связанных: они игнорируют факт того, что Христианство в церкви это нечто большее, чем вера в идеальную фигуру Иисуса, которую они сами же создали, плюс столько, сколько можно вынести в практическую жизнь (без разрушения социального порядка) из максим Нагорной проповеди. Моральная или особенно доктринальная ошибка без должного покаяния или отречения, или неудачная попытка правильно покреститься перед смертью, или плебисцит христиан Европы, если бы они были верны своей вере, подтвердили бы ваше вечное осуждение подавляющим большинством.

Проповедники, ортодоксальные и еретические, вдалбливают нам, что мир не может существовать без какой-либо веры. В некотором смысле это весьма очевидная истина, однако, по моему мнению, это весьма очевидная ложь, и мне кажется, что наставляющий, или проповедующий разум склонен колебаться между ложным и истинным значениями, не осознавая этого.

Вполне верно, что основание для каждого из наших действий и законности наших рассуждений находится в великом акте веры, который ведет нас к научению прошлым, чтобы оно служило нашим верным защитником в настоящем и будущем. Природа рассуждений такова, что

становится очевидным: аксиомы, на которых они основываются не могут быть показаны через рассуждение. Столь же банально рассуждение о том, что в житейских делах мы постоянно совершаем самые важные действия на основаниях совершенно недостаточного характера. Но совершенно ясно, что вера не обязательно имеет право не отталкиваться от рассуждения, раз рассуждение не может не отталкиваться от веры. И если мы часто вынуждены в силу обстоятельств совершать действие на слабых основаниях, из этого не следует, что правильно исходить из тех же оснований, когда тех обстоятельств уже нет.

Автор Письма к Евреям говорит нам: «Вера — это уверенность в надеждах, доказательство незримого». В авторизованной версии «сущность» заменяет «уверенность», и «свидетельство» заменяет «доказательство». Вопрос точного значения слов *ὑπόστασις* и *ἔλεγχος* открывает пространство для дискуссии схоластов и метафизиков. Но, я полагаю, мы будем недалеко от истины, если мы посчитаем, что автор имел в виду глубокую психологическую истину: люди постоянно чувствуют уверенность в тех вещах, на которые надеются, но не имеют свидетельств ни в легальном, ни в логическом смысле слова; и такое ощущение он называет «верой». Я могу быть абсолютно уверен, что друг не совершал преступления, в котором его обвиняют. В раннюю эпоху английской истории, если бы мой друг получил бы еще несколько столь же сильно убежденных свидетелей собственной невиновности, он был бы оправдан. В настоящее время, если бы я выступил свидетелем по такому делу, судья бы сказал мне покинуть суд, и даже самый молодой адвокат посмеялся бы моей простоте. Несчастен, разумеется, тот человек, который не имеет подобной веры в близких; более несчастен лишь тот, кто позволяет себе забыть, что подобная вера не является, строго говоря, доказательством. И когда его вера окажется в растерянности, что будет происходить снова и снова, она обернется Тимоном и обвинит вселенную за свои собственные ошибки. Итак, если человек может найти друга, воплощение всех своих надежд, отражение этического идеала в Иисусе любого из (или каждого из) Евангелий, дайте ему жить согласно вере в этот идеал. Кто станет или посмеет запретить ему? Но не позволим ему заблуждаться во мнении, что его вера — свидетельство объективной реальности того, во что он верит. Подобные доказательства могут быть получены только силами и средствами науки, в применении к истории и литературе, чего столь мало в настоящее время.

Похоже, что некоторое время назад мистер Гладстон³⁴ спросил мистера Лэйнга³⁵, может ли он составить краткое изложение отрицательного вероучения — совокупность негативных суждений, которые до сих пор были приняты в виде отрицаний так же, как апостольские и другие принятые вероучения — с утвердительной силой; и мистер Лэйнг сразу же любезно предоставил мистеру Гладстону желаемые статьи — восемь таковых.

Если бы кто-нибудь предпочел поручить это мне, я бы ответил в отношении агностиков, что у них нет вероучения, и по сути дела быть не может. В сущности, агностицизм — не вероучение, а метод, суть которого заключается в строгом применении единого принципа. Этот принцип очень древний; он так же стар, как Сократ; так же стар, как писатель, который сказал: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1Фес. 5:21); этот принцип — основа Реформации, который просто иллюстрирует аксиому, что каждый человек должен уметь обосновать свою веру; это великий принцип Декарта; это фундаментальная аксиома современной науки. Положительно принцип может быть выражен так: в вопросах интеллекта, насколько это возможно, следуй своему разуму, не обращая внимания ни на какие другие соображения. И отрицательно: в вопросах интеллекта не притворяйся, будто недоказанные или недоказуемые выводы достоверны. Это я считаю агностической верой, с которой, если человек остается целостным и непорочным, ему не стыдно будет смотреть вселенной в лицо, что бы не было уготовано ему в будущем.

Результаты выработки агностического принципа будут различаться в зависимости от индивидуальных знаний и способностей и в зависимости от общего состояния науки. То, что не доказано сегодня, может быть доказано с помощью новых открытий завтра. Единственными окончательными точками отрицания будут те, которые вытекают из очевидных ограничений наших способностей. И единственное принятое обязательство — всегда иметь разум открытым для убеждения. Боюсь, что агностики, которые никогда не ошибаются в соблюдении своих принципов, столь же редки, как и другие люди, в которых можно поистине ожидать такого же постоянства. Но если бы вы встретились с таким фениксом и сказали ему, что обнаружили, что дважды два

³⁴Вероятно, речь идет об Уильяме Гладстоне (1809–1898) — государственном деятеле, трижды премьер-министре Великобритании.

³⁵Вероятно, речь идет о Самуэле Лайнге (1812–1897) — британском политике, писателе-публицисте на тему науки и религии, социальном критике.

равно пять, он терпеливо попросил бы вас изложить причины этого убеждения и выразил бы свою готовность согласиться с вами, если они его удовлетворяют. Апостольское предписание «с радостью терпеть глушцов» должно быть правилом жизни истинного агностика. Я глубоко осознаю, насколько я сам далек от этого идеала, но это мое личное представление о том, какими должны быть агностики.

Однако, как я сказал в начале, говорю только за себя; и я не мечтаю предать анафеме и отлучить мистера Лэйнга. Но когда я рассматриваю его символ веры и сравниваю его с Афанасийским, я думаю, что в целом имею более четкое представление о значении последнего. «Полярность», например, в статье VIII, — слово, которого я много слышал в юности, когда «натурфилософия» была в моде, и от которого я сильно пострадал. В течение многих лет, когда я встречал «полярность» где-либо, кроме обсуждения какой-нибудь чисто физической темы, такой как магнетизм³⁶, я захлопывал книгу. Мистер Лэйнг должен извинить меня, если привычка пересилила меня, когда я читал его восьмую статью.

А теперь, что можно сказать о замечательном произведении мистера Харрисона³⁷ «О будущем агностицизма»?^{38*} Боюсь, что я не смогу выразить словами мое почтение к этому способному писателю, а также к рвению и энергии, с которыми он время от времени оживляет слабый каркас позитивизма, пока он не выглядит, больше, чем когда-либо, как Папа и Язычник Джона Баньяна³⁹ в одном лице. Часто повторяется история, и я боюсь, оттого не менее мифическая, о доблестном и громогласном капрале, командующем двумя рядовыми, который, сошедшись в темноте с вражеским полком, приказывает сдаться под страхом мгновенного уничтожения его силами; и враг соответственно капитулирует. Я всегда вспоминаю эту сказку, когда читаю позитивистские приказы

³⁶Вероятно, речь идет о работах Шеллинга и его идейных последователях, рассматривавших полярность метафизически, как одну из фундаментальных диалектических сил природы.

³⁷Ф. Харрисон (1831–1923) — один из видных представителей контианского позитивизма в Англии, защитник идеи «закона трех стадий» и Позитивной Религии; в споре об агностицизме занимал позицию, согласно которой агностицизм является лишь ступенью религиозного мышления в его метафизической фазе (в согласии с «законом»).

³⁸На самом деле статья называется «Будущее агностицизма» («The Future of Agnosticism»).

³⁹Джон Баньян (1628–1688) — религиозный протестантский писатель и церковный деятель. Речь о произведении «Путешествие пилигрима», где Папа и Язычник — два гиганта, олицетворяющие католичество и язычество, устраивающие гонения на протестантов.

силам христианства и науки; только враг так и не выказывает никакого намерения подчиниться ни сейчас, ни когда-либо за эти сорок лет.

* *«Двухнедельное обозрение», январь 1889.*

Рассматриваемая речь имеет папский привкус, который обыкновенно бывает у высказываний понтификов церкви Конта. Мистер Харрисон говорит властно и необычно для писцов своего времени. Он не только знает, что такое агностицизм и как он появился, но и что из него выйдет. Агностик должен довольствоваться статусом предшественника позитивиста. Как тот, кто как бы расчищает место от всякого убогого хлама, такого как христианство, он оказывается полезным существом, которое заслуживает похлопывания по спине при условии, что он не рискнет продвинуться дальше. Но пусть эти научные Санаваллаты не предполагают, что они достаточно хороши, чтобы принять участие в строительстве храма — они простые самаритяне, обреченные вымирать по мере того, как Религия человечества будет приниматься людьми. Что ж, если такова их судьба, у них еще есть время порадоваться. Но давайте послушаем, как мистер Харрисон объявил об их гибели:

Агностицизм — стадия эволюции религии, полностью отрицательная стадия, точка, к которой пришли физики, чисто мысленный вывод, не имеющий никакого отношения к социальным аспектам (стр. 154)⁴⁰.

Я совершенно потрясен этим заявлением. Существуют ли тогда какие-либо «выводы», которые не являются «просто мысленными»? Нет ли «отношения к социальным вещам» в «мысленных выводах», которые влияют на все человеческое представление о жизни? Занимался ли князь агностиков, Дэвид Юм, исключительно физическими науками? Если предположить, что физическая наука не существует, не приведет ли агностический принцип, применяемый филологом или историком, к точно таким же результатам? Является ли современное более или менее полное прекращение суждений о фактах истории царственного Рима или об истинном происхождении гомеровских поэм чем-нибудь, кроме агностицизма в истории и литературе? И, если так, то как может агностицизм быть «простым отрицанием физика»?

«Агностицизм — этап в эволюции религии». Нет двух людей, согласных относительно того, что подразумевается под термином «религия»; но если это означает, согласно и моему мнению, просто благоговение

⁴⁰Здесь и далее постраничные ссылки в тексте относятся к «Двухнедельному обозрению» за январь 1889 года.

и любовь к этическому идеалу, а также желание претворить этот идеал в жизнь, которые каждый человек должен чувствовать — тогда я говорю, что агностицизм имеет к этому не больше отношения, чем занятия музыкой или художествами. Если же, с другой стороны, мистер Харрисон, как и большинство людей, подразумевает под «религией» богословие, то, по моему мнению, агностицизм можно назвать стадией ее эволюции так же, как смерть можно назвать последней стадией эволюции жизни.

Когда агностическая логика станет просто одним из канонов мысли, агностицизм, как особая вера, спонтанно исчезнет (с. 155).

Я могу только дивиться тому, что такие предложения, как это, и те, что уже цитировались, вышли из-под пера мистера Харрисона. Неужели он действительно хочет сказать, что агностики обладают какой-то особенной логикой? Будет ли он так любезен вывести меня из замешательства, в которое я попадаю, когда пытаюсь представить, что «логика» — что-то отличное от канона (что, как я считаю, значит «правило») мысли? Что касается агностицизма как особой веры, я уже показал, что он никак не может быть чем-нибудь в этом роде; если только безупречная вера в логику не является отличительной чертой агностиков, чем она, в конце концов, может быть.

Агностицизм как религиозная философия *per se* основан на почти полном игнорировании истории и социальной эволюции (с. 152).

Но ни *per se*, ни *per aliud* агностицизм (если я что-то о нем знаю) ни в малейшей степени не претендует на то, чтобы быть религиозной философией; что же касается игнорирования истории и социальной эволюции, записью которой является история, то это есть и всегда был неизбежный результат строгого следования исследователями-историками научным методам. Наши предки были вполне уверены в существовании Ромула и Рема, короля Артура, Хенгеста и Хорсы. Большинство из нас стали агностиками, исследуя реальность этих достойных особ. Обвиняющий нас столь свободно в игнорировании истории мистер Харрисон не должен игнорировать тот известный факт, что критический процесс, который разрушил основы ортодоксальной христианской доктрины, обязан своим происхождением не приверженцам физических наук, а Ришару Симону⁴¹, ученому французскому ораторианцу, жившему 200 лет

⁴¹Р. Симон (1638–1712) — французский писатель, богослов, библейский критик, известный как основатель исагогики Нового Завета.

назад. Я не могу найти доказательств того, что Симон, или кто-либо из великих ученых и критиков восемнадцатого и девятнадцатого веков, которые продолжили работу Симона, имели какое-то особое знакомство с физическими науками. Я уже отметил, что Юм был от них независим. И, безусловно, одно из самых сильных влияний в том же направлении на историю в нынешнем столетии, а именно, влияние Гроута⁴², пришло не с физической стороны. Фактически, физические науки не имели прямого отношения к критике Евангелий; эти науки совершенно неспособны дать очевидные доказательства того, что любое заявление, сделанное в этих историях, не соответствует действительности. Впрочем, современная физиология может найти в природе параллели с самыми, как кажется, очевидно сверхъестественными событиями из этих историй.

Приятно слышать из авторитетных уст мистера Харрисона, что законы физической природы не демонстрируют никаких признаков того, что они становятся «менее определенными, менее последовательными или менее популярными с течением времени» (с. 154). Каким образом закон природы становится неопределенным или «непоследовательным» недоступно для бедных сил моего воображения. Но со всеобщим избирательным правом и собачьей теорией власти как все очевидно. Я имею в виду теорию, согласно которой долг политического вождя — внимательно следить за направлением движения общества, а затем бежать впереди и громко лаять — как если бы быть самым шумным и руководить — одно и то же; раз так, мне действительно приятно осознавать, что законы природы становятся все популярнее. Глядя на недавний ход политических событий, который, как говорят, выражает великую сердечность людей, у меня возникли сомнения в этом факте, и моя любовь к моим соотечественникам побудила меня со страхом задуматься о том, что случится с ними, если какой-либо из законов природы когда-нибудь станет в их глазах столь непопулярным, что будет отвергнут непревзойденным авторитетом всеобщего избирательного права. Если бы легион демонов, прежде чем они отправились в свое путешествие на свиньях, успел бы провести собрание и единогласно решить: «Закон тяготения деспотичен и должен быть отменен», — я боюсь, это никак бы не повлияло на то, что две тысячи невольных одержимых были однажды сброшены с крутых склонов рокового берега Геннисарета.

⁴²Вероятно, речь идет о Дж. Гроуте (1794–1871) — английском историке, известном в первую очередь за исследования философии и истории классической Греции.

Вопрос о месте религии как элемента человеческой природы, как силы человеческого общества, ее происхождения, анализа и функций никогда не рассматривался с агностической точки зрения (с. 152).

Я не сомневаюсь, что мистер Харрисон знает об истории гораздо больше, чем я; на самом деле, он говорит публике, что некоторые из моих друзей (и я сам), должно быть, не имели возможности заняться этой темой. Я не хочу противоречить тем утверждениям, которые делает мистер Харрисон по поводу его собственного авторитета; я только, если я могу быть верен своим агностическим принципам, смиренно спрашиваю, как он обрел уверенность в этих словах. Я не утверждаю, что знаю что-либо о диапазоне исследований мистера Харрисона, но поскольку он счел нужным начать эту тему, я могу рискнуть указать на то, что на основании представленных доказательств в равной степени допустимо составить вывод о том, что увлекательные труды мистера Харрисона в качестве верховного понтифика позитивистской религии не позволили ему ознакомиться с методами и результатами физических наук или истории философии, или филологической и исторической критики, которые необходимы любому, кто желает получить правильное понимание агностицизма. Некомпетентность в философии и во всех областях науки, кроме математики — хорошо известная интеллектуальная характеристика основателя позитивизма. Верность в учениках — само по себе замечательное качество; жаль, что оно часто приводит к восприятию слабости учителя как его силы. Только такая чрезмерная верность может допустить «действительно сильный ум, проникнутый историческим смыслом» (стр. 153), демонстрирующий необычайную забывчивость исторического факта существования Дэвида Юма, которое подразумевается утверждением, что:

Было бы трудно назвать хоть одного известного агностика, который сложил столько сил в размышление и исследование истории, сколько он вкладывает в познание физического мира (стр. 153).

Вспомним то, что я осмелюсь назвать светлой стороной христианства; тот идеал человечности, с его силой и терпением; его справедливостью и его жалостью к человеческой хрупкости; его готовностью помогать до крайности самопожертвования; его этической чистотой и благородством; который изображали апостолы и на который армии мучеников направляли свою непоколебимую веру, и из-за которого безвестные мужчины

и женщины, такие как Екатерина Сиенская и Джон Нокс⁴³, набрались смелости упрекать пап и королей. Вряд ли кто-либо, согласный со всем этим, недооценивает важность христианской веры как фактора в истории человечества, или сомневается в том, что если эта вера окажется несовместимой с нашими знаниями или потребностью в знаниях, возникнет какая-то другая ипостась человеческих надежд, достаточно искренняя и достойная, чтобы заменить ее. Но я слишком уважаю человечество будущего, чтобы поверить в то, что эта неуместная смесь плохой науки с потрошенным папизмом, из которой Конт создал позитивистскую религию, будет наследником веков Христианства. Карл II сказал брату: «Они не убьют меня, Яков, чтобы сделать тебя королем». И если критическая наука безжалостно разрушает исторические основы благороднейшего идеала человечества, которому человечество до этой поры поклонялось, она вряд ли позволит жалкой реальности подняться в пустующее святилище.

Что человек должен решить посвятить себя служению человечеству, включая интеллектуальное и моральное самосовершенствование, и что это должна быть в прямом смысле слова религия — таково не только понятное, но и, на мой взгляд, похвальное решение. И я склонен верить, что это единственная религия, которая будет неопровержимо приемлемой, пока существует человечество. Но когда позитивист просит меня поклоняться «Человечеству», то есть поклоняться обобщенному представлению о людях, какими они всегда были и, вероятно, всегда будут, я должен ответить, что я мог бы столь же скоро поклониться обобщенному представлению о «массе обезьян». Конечно, мы не возвращаемся во времена язычества, когда обожествлялись отдельные люди, и твердое здравомыслие умирающего Веспасиана могло вызвать горькую шутку: «*Ut puto Deus fio*»⁴⁴. Никакое божество не препятствует современному человеку, будь он даже суверенным правителем. И нет никого официально почитаемого, кроме муниципального чиновника. Но если в отдельных ветвях человечества нет искры достойной поклонения божественности, откуда взялось то богоподобное величие, которое, как Моисей позитивизма с любовью воображает, пронизывает весь куст?

Я не знаю исследования, которое было бы столь невыразимо печально, как исследование эволюции человечества, изложенной в анналах

⁴³Екатерина Сиенская (1347–1380) — религиозная писательница позднего средневековья, Джон Нокс (1514–1572) — основатель пресвитерианства, богослов и писатель.

⁴⁴Лат. «Я становлюсь богом».

истории. Из тьмы доисторических веков человек появляется с сильными следами его низкого происхождения. Он зверь, только умнее других животных; слепая жертва импульсов, которые часто приводят его к разрушению; жертва бесконечных иллюзий, которые превращают его осмысленное существование в ужас и бремя, и наполняют его физическую жизнь бесплодным трудом и борьбой. Он достигает определенной степени физического комфорта и разрабатывает более или менее работоспособную теорию жизни в таких благоприятных условиях, как равнины Месопотамии или Египта, а затем на протяжении тысяч лет борется со случаем, преподносящим бесконечное зло, кровопролитие и страдания, чтобы удержаться на этом этапе против жадности и амбиций своих собратьев. Он убивает и иным образом преследует всех, кто сначала пытается заставить его двигаться дальше; и когда он продвигается на шаг, глупо посмертно обожествляет своих жертв. Он в точности повторяет процесс со всеми, кто хочет сделать шаг еще дальше. А лучшие люди лучших эпох — просто те, кто совершает наименьшее количество ошибок и наименьшее количество грехов.

То, что следует радоваться хорошему человеку, простить плохого человека, пожалеть и помочь всем людям в меру своих возможностей — несомненно. Слава иудаизма и христианства в том, что они провозгласили эту истину, несмотря на все свои заблуждения. Но поклонение Богу, который нуждается в прощении и помощи и заслуживает жалости каждый час своего существования, не лучше, чем любому другому добровольно избранному фетишу. Проект Императора Юлиана⁴⁵ был обнадеживающим по сравнению с перспективами новой антропологии.

Когда историк религии двадцатого века будет писать о веке девятнадцатом, я предвижу, он напишет что-то в таком роде:

Наиболее любопытными и поучительными событиями в религиозной истории предшествующего столетия являются возникновение и развитие двух новых сект, называемых мормонами⁴⁶ и позитивистами. Студенту, внимательно изучившему эти замечательные явления, ничто в истории религиозного самообмана уже не покажется невероятным.

Мормоны возникли посреди великой республики, которая, хотя на тот момент была сравнительно незначительной, как по территории, так

⁴⁵Речь о попытке восстановления римского язычества Юлианом Отступником на основе синтеза с христианской церковной организацией.

⁴⁶Религиозное течение, созданное Джозефом Смитом на основе учения «святых последних дней».

и по количеству ее граждан, была (как мы знаем из дошедших до нас фрагментов речей ее ораторов) выдающейся как по интеллекту своего населения, так и по значительной его информированности, которая была продуктом активности издателей в распространении всего, что они могли изобрести, выпросить, одолжить или украсть. Они также были известны отсутствием ограничений в мыслях, словах или поступках; за исключением, конечно, благотворного и мудрого влияния большинства, оказываемого, в случае необходимости, через институт, известный как «смоление и оперение», точная природа которого сейчас оспаривается.

Существует полное согласие в отношении свидетельств о том, что основатель мормонизма, некий Джозеф Смит, был низменным, невежественным мошенником, и что он украл «Священные Писания», им проповедованные, не будучи достаточно умен, чтобы помыслить даже те презренные вещи, которые они содержали. Тем не менее он, должно быть, был человеком с сильным характером, ведь вокруг него собралось значительное количество учеников. Несмотря на неоднократные вспышки народной ненависти и насилия — во время одного из таких преследований Смита жестоко убили — численность мормонов неуклонно росла, и они превратились в процветающее сообщество. Но поскольку обычаи мормонов были неуютны большинству, они были, и не единожды, без какого-либо законного основания, но силой бунта, поджога и убийства, изгнаны с земли, которую они занимали. Измученные этими преследованиями, мормоны в конце концов посвятили себя нежной милости пустыни, такой же бесплодной, как Синай, и после великих страданий и лишений достигли оазиса Юта. Здесь они росли и процветали, посылая миссионеров и принимая обращенных из всех частей Европы, иногда до 10 000 в год; в 1880 году богатая и процветающая община насчитывала 110.000 душ только в Юте, в то время как их было, вероятно, 30.000 или 40.000 в других местах за границей. Во всей истории религий нет замечательней примера силы веры; и в этом случае основателем этой веры было, несомненно, самое презренное существо. Интересно отметить, что путь, выбранный великой республикой и ее гражданами, проходит точно так же, как и путь римской империи и ее граждан по отношению к ранним христианам, за исключением того, что у римлян было определенное законное оправдание их актов насилия, поскольку христианские «содалиции» не были лицензированы и, следовательно, *ipso facto* были незаконными. Пока в последней части XIX века Законодательное собрание Соединенных Штатов не постановило многоженство незаконным, мормоны были полностью в рамках закона.

Ничто не может представить больший контраст всему этому, чем история позитивистов. Эта секта возникла примерно в то же время, что и мормоны, в высших и самых обученный слоях сообразительного, скептически настроенного населения Парижа. Основатель, Огюст Конт, был учителем математики, но не имел выдающихся результатов в этой области знания, равно как и каких других познаний, кроме любительского знакомства с физическими, химическими и биологическим науками. Его работы отталкивают тупой расплывчатостью их стиля и определенной атмосферой высшего человека, которая их характеризует; но, тем не менее, в них есть кое-что хорошее. Воспроизведение в деталях системы, обнародованной нееврейским Левитом, которая предлагает регулировать всю человеческую жизнь, заняло бы слишком много места. Достаточно сказать, что г-на Конта можно охарактеризовать как синкретика, который, как и гностики ранней церковной истории, попытался соединить содержимое несовершенно осмысленной современной науки с формой римского Христианства. Возможно, именно поэтому его ученики были так разгневаны на некоторых малоизвестных людей, называемых агностиками, взгляды которых, если можно судить по оставленным отчетам в произведениях великого позитивистского неоднозначного писателя, были весьма абсурдны.

Короче говоря, месье Конт, обнаружив, что Христианство и Наука «на ножах», видимо, сказал Науке: «Вы находите христианство прогнившим по сути, не так ли? Что ж, я его выпотрошу». И к Католицизму: «Вы находите Науку просто сухим светом — холодным и голым. Что ж, я накрою ее вашей оболочкой. И вот, подобная детскому призраку из репы и сальной свечи, готова новая религия Человечества!».

К сожалению, ни католиков, ни людей, которые были чем-то большим, чем любителями в науке, невозможно было заставить должным образом поклоняться новому идолу Конта. В родной стране позитивизма один выдающийся литератор и один ученый какое-то время могли набрать комнату верных последователей, но вскоре их любовь остыла. В Англии, с другой стороны, похоже, мало кто сомневается в том, что в девятом десятилетии века число учеников достигло в общей сложности нескольких людей. У них было преимущество — защита одного или двух самых красноречивых ученых-апостолов и, во всяком случае, сочувствие нескольких людей светлых и ведущих — и, если их и не видели, их слышали во всем мире. С другой стороны, как секта, они трудились, обремененные недостатком, — они были утонченными, уважаемыми людьми, живущими среди измученной цивилизации Старого

Света; где любого, кто пытался преследовать их, как мормонов преследовали, сразу бы повесили. Но большинство никогда не хотело их преследовать; напротив, им скорее дали попать, или же испытать терпение большинства.

История этих сект в последние годы столетия весьма поучительна. Мормонизм...

Но я обнаружил, что внезапно соскользнул со штатива мистера Харрисона, который я одолжил для этого случая. Дело в том, что я не равняюсь на пророческое дело, да и никогда не делал этого.

Huxley, T. H. 2024. "Agnostitsizm [Agnosticism]" [in Russian], trans. from the English and annot. by D. Ye. Lavrishchev. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 400–433.

THOMAS HENRY HUXLEY

AGNOSTICISM

Translation of: Huxley, T. H. 1889. "Agnosticism." In *Christianity and Agnosticism : A Controversy*, 9–29. New York: The Humboldt Publishing.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-400-433.